

АВТО
БИОГРАФИЯ

*При соавторстве Поля Бельмондо
и Софи Бландиньер*

Предисловие

Эта тысяча жизней пролетела быстро, слишком быстро — на скорости, на которой я водил машины.

Я мог бы просто прожить их один раз, не рассказывая. Но я ненасытен, и с этой высоты, которую дарит время, мне захотелось пройти путь заново, медленнее и в обратном направлении.

Вспомнить — нет, не все, но, вероятно, главное, чтобы облечь его в слова.

Насладиться тысячей жизней во второй раз, прожив их снова, — это, быть может, слишком; но, когда речь идет о счастье, умеренность — добродетель тщетная.

Я еще хочу жить свою жизнь. Как молодой.

И если мое тело больше не позволяет мне выполнять трюки, мчаться на «Феррари», бегать с одной съемки на другую, с одного представления на следующее, оно не мешает мне пережить все заново, как будто это было вчера, как будто это было сегодня.

Я понимаю, рассказывая вам, как любил эту прогулку-жизнь, какой она была веселой, шальной, изобильной, богатой дружбой и любовью.

Я очень рано развил в себе свободу и радость жизни, возможно, потому что я был дитя войны, возможно также, потому что мои родители показали мне эти качества и дали, как подарок, возможно, наконец, потому что я сам решил, что из этого будет состоять моя жизнь.

Конечно, я шел напрямик, ломал рамки и выводил из строя механику, раздражал классиков, очаровывал современников. Вообще-то не было и речи о том, чтобы вписаться в норму, она меня отторгала. Школа ненавидела меня, а Консерватория даже не сохранила следа моего присутствия в ее стенах, которые я сотряс гомерическим смехом.

Надо признаться, у меня никогда не было дара к трагедии. До такой степени, что мне всегда с трудом удавалось заплакать в фильмах и что, несмотря на драму, на жестокие утраты, оставляющие ощущение ампутации, жизнь казалась мне легкой и ясной.

Кино осветило меня софитами в 1960 году, и я так и остался в их свете. Фильмом «На последнем дыхании» Жан-Люк Годар определил мою судьбу, о какой я и мечтал: быть актером, всеми желанным, которого ищут режиссеры и любят зрители; быть многими, поносить все костюмы, сыграть несметное число ролей и изучить человечество.

Ибо величайшая привилегия актера в том, что ему позволено сохранить свою юность. Оставаться ребенком, играть понарошку, превращать действительность в торжество вымысла, жить мгновением, фонтанировать.

Это удовольствие я нашел и здесь, в восемьдесят три года, на сей раз в моей собственной шкуре. Этот текст оставалось еще сыграть, рассказать. Я вложил в него тон моей жизни, выплесками.

1

Мадлен или воля

Красные коленки, пунцовые, как помидоры в сетке на багажнике. Мама снова садится на велосипед. Она только что с него упала, в пятый или шестой раз, но снова, не дрогнув, вступает в поединок с двухколесной машиной. Понадобилась бы вся немецкая армия и русские с японцами в придачу, чтобы разубедить ее укрощать единственное средство передвижения, доступное во время войны, лишившей нас бензина.

Мама ничего не боится, даже войны. И уж конечно, велосипед ее не испугает.

Рыцарь Баярд в юбке — вот кто моя мама, великолепная амазонка. Высокая, насколько я могу судить с высоты моих семи лет, такая красивая, что ее даже снимали в кино, и живая, очень живая.

Я полон восхищения и хорошо понимаю отца, что он на ней женился.

Мне нравится представлять их десять лет назад, как папа в Высшей Школе искусств робко и

ласково глядит на маму и ее ловкие карандашные штрихи, соглашаясь дать себя нарисовать в пылком влюбленном молчании.

* * *

Мадлен вышла замуж за Поля, Поль женился на Мадлен, они стали неразлучны. И даже приказ о мобилизации папы, подсунутый под дверь квартиры на Данфер-Рошро сентябрьским утром 1939 года, не помешал им быть вместе.

Ибо решимость и энергия Мадлен на службе любви к моему отцу заставили ее отправиться за ним на север. Она следовала за ним, мужественная родственная душа, из гарнизона в гарнизон, из города в город, по территории карты Нежности¹.

Она бывала, в числе прочих, в Булонь-сюр-Мер и Кале, куда мы, я и мой брат Ален, приезжали к ней с бабушкой и ее другом Шарли.

Мой дед пропал без вести на полях сражений Первой мировой войны 1914—1918 годов. Я буду представлять себе позже, что он и есть тот самый неизвестный солдат, спящий под Триумфальной аркой.

Бабуля была сильной и плакать не позволяла. Шарли был врачом, и, хоть мама его терпеть не

---

¹ Имеется в виду хрестоматийная для французов карта страны Нежности, созданная писательницей Мадлен де Скюдери (1607—1701). — *Прим. перев.*

могла, кто-то, кто лечит тела, все же лучше, чем вообще никакого тела рядом.

Путешествие было бурлескным, по запруженным дорогам Франции военного времени, на классном «Гочкисе», машине бель-эпок, очень кстати созданной оружейником. На крышу бабуля и ее новый друг наложили матрасов, служивших гигантским пуленепробиваемым жилетом. Если бы вражеский самолет обстрелял нас, пролетая, мы надеялись, что пули застрянут в толстой шерсти.

С этим нагромождением постельных принадлежностей на крыше нашего благородного средства передвижения выглядели мы незаурядно. И вряд ли незаметно. В конечном счете, я думаю, нам повезло, что мы не привлекли внимания и не раззадорили какого-нибудь пилота люфтваффе.

* * *

Этот велосипед моей мамы стал импровизированным танком. Нехватка ощущается во всем, а ноги дешевле бензина. Наши желудки стали приоритетом. Чтобы удовлетворить их по минимуму, требуются все мыслимые усилия. И моя мама, которая через несколько недель предпочла перебраться с нами в безопасное место, чем следовать за мужем, их прилагает.

Мы поселились среди зелени, недалеко от Рамбуе, брошенные на произвол судьбы в доме, которым владеет папа, в лесу, на подъезде к

Клерфонтену. Надо признать, что преимущества деревни в голодные времена увеличиваются многократно.

К романтическим атрибутам зелени добавляются практические. Разбросанные по округе фермы еще поставляют жизненно необходимый минимум, которого недостает горожанам: мясо, овощи, молоко, масло, а в сезон и фрукты.

Но все эти редкости надо еще добыть, а до ближайшей фермы не меньше десяти километров. Пешком мама добиралась бы туда-обратно четыре часа. Она без колебаний накачала шины папиного велосипеда и оседлала его, хотя не имела в этом никакого опыта, разве что была зрительницей поездок своих детей.

Она старается, но поначалу ей нелегко. Ее часто выбрасывает из седла и тянет к земле, где острые камни обдирают ей кожу на ногах. Велосипед неустойчив, и ей трудно удержать равновесие. Она падает и падает, но улыбки по-прежнему озаряют ее лицо, несмотря на колени в царапинах и ссадинах. Она учится, не хныча, не жалуясь, не опуская рук.

Благодаря ее упорству мы едим досыта. И впитываем по ходу ее цепкость к жизни и чувство приключения. Как первую заповедь, чтобы жить свободным: воля может все.

Несколько лет спустя, когда я паду духом после первой неудавшейся попытки стать актером,

она мне об этом напомнит: «Воля, сынок. Прояви волю, и у тебя все получится». И мужество, конечно, тоже.

Его требовалось немало, чтобы оставаться одной в огромном доме, затерянном в лесу, с двумя малолетними детьми, когда немецкая армия уже завоевала страну и стояла в Рамбуйе. Его требовалось еще больше, чтобы прятать в подвале еврейскую семью, которой она тайно помогала.

Этим фактом она никогда не кичилась в дальнейшем. Даже когда после войны некоторые злонамеренные умы клеветали на моего отца, ставя ему в вину участие в поездке в Германию с другими артистами. Понадобилось вмешательство генерала де Голля, вручившего ему орден Почетного Легиона, чтобы заставить замолчать этих лицемерных стервятников.

Я никогда не слышал, чтобы мама говорила о них дурно. В этом она тоже подала нам пример: лучше честное объяснение, чем замаскированная критика.

Через несколько дней мама уже падает реже. Но фанаткой велоспорта она не стала. Когда в Клерфонтен вернулись погожие дни, она дала нам заменить ее в миссии «снабжения». И вот мы катим, насвистывая, к ферме, крутим педали, потеем и пыхтим.

Туда мы летим стремглав, соревнуясь, кто первый. Но возвращаться всегда дольше. Солнышко

светит, птицы поют, колышется пшеница. Вдвоем, одни в лесу, мы всегда найдем чем развлечься, а главное — чего поесть. Фрукты на багажнике велосипеда хорошо пахнут, я лакомка, и мне трудно устоять перед желанием их отведать. Я беру один, два, три, четыре, а то и больше. На каждом следующем обещаю себе, что это будет последний.

Только дома, спешившись и взглянув на багажник, я обнаруживаю размах своего грабежа. И готовлюсь к нахлобучке. Мама, не в пример папе, сердится на мои глупости, но никогда меня не наказывает. Тем хуже для режиссеров, которые позже будут на нее в обиде за то, что она меня воспитала, уважая мою свободу.

Великая Война, на которую мой отец ушел добровольцем в семнадцать лет, вырыла ложе, широкое, как траншея, принявшее желание радоваться малому. Он оставил три года юности под ружьем и еще несколько месяцев на сверхсрочной, потому что ему уже стукнуло двадцать — возраст, чтобы носить форму, пока мир не воцарится окончательно и опасности не будут устранены.

Так что, конечно, мои глупости кажутся ему сущими пустяками в сравнении с ужасами, в которых он побывал. Они почти забавляют его. Забавляли.

Мои родители обладали даром к счастью, который они охотно передали мне в наследство.